

Михаил Белят

Писатель и журналист-международник. Родился и живет в Москве. Семнадцать лет проработал в Латинской Америке корреспондентом Агентства печати «Новости» и одновременно «Комсомольской правды», затем корреспондентом РИА Новости. Становился лауреатом премии Союза журналистов СССР. После распада СССР трудился пресс-секретарем председателя Государственной Думы РФ, в различных российских и зарубежных СМИ, преподавал на факультете журналистики РГУ. Автор нескольких публицистических книг. Самые заметные работы — «Никарагуа: портрет в черно-красных тонах» и «Сальвадор Альенде». Книги о Латинской Америке выходили также в Японии и Мексике. Член Союза писателей и Союза журналистов России.

«Журналюги плюс»

(фрагмент романа)

— Есть будешь, компаньеро? — маленький боец с копной волос протянул Пете пластиковую тарелку с «гальо пинто» — вареным рисом, перемешанным с черной фасолью, и парой жареных бананов. Потом — кофе, тоже в пластиковом стакане.

Двое других за столом — рослый парень в военном кепи и коротко стриженная девушка — сосредоточенно поглощали ужин, не отвлекаясь на гостя. При неверном свете копилки Петя не мог толком рассмотреть их лиц — сплошные черные пятна на месте глаз, скул, между носом и подбородком. Но он и не собирался начинать знакомство сегодня. Сейчас хотелось есть и спать — день выдался суетным, напряженным, изматывающим. Прощание с французом, нервотрепка с капитаном, лихорадочные сборы, дорога и особенно последние четыре километра пешком по горной тропе, извилистой, узкой и крутой... Сейчас он не знал, о чем их спрашивать, мозги не ворочались... Самое трудное изобретать вопросы, когда заранее знаешь, что напишешь в качестве ответов. Нет, все завтра... Завтра...

Маленький боец оказался командиром батальона и тезкой, звали его Педро Руис. Пока ужинали, поговорили. Так просто, чтобы не молчать. Педро тоже не был расположен к беседам; вот проснется politico, на все вопросы разом и ответит. Он уже давно спит, с обеда. Просил разбудить, во вторую роту ему нужно. Проснется и расскажет, что надо. Петя и не сомневался: «политико» — это комиссар. Конечно, он расскажет, что надо. А чего не надо, скорее всего, не расскажет.

Оно и славно! Зачем Пете лишние проблемы? Что ему потом делать с этой их сермяжной? В репортаж ведь ее не вставишь. А и вставишь, — все равно, вымарают, да еще по ж... настучат так, что сесть не сможешь. Комбат, похоже, подслушал Петины мысли — тут же принялся выкладывать батальонные тайны:

— Там, во второй роте, днем забузили, — сказал он полушепотом, оглядываясь на темный угол, где храпел «политико». Наверное, боялся разбудить до срока... Или вообще боялся... — Два взвода снялись с позиции и хотели уйти в Стели. Погулять там, пива попить... Ты не думай, компаньеро, они бы вернулись. Погуляли бы слегка и вернулись... Эдвард, «политико», их остановил, возвратил на позиции... но они тогда возбужденные были, нервные... разговора у них с «политико» тогда не получилось, он теперь вот разбираться пойдет...

Молчаливая парочка, здоровяк в кепи и девушка, отужинав, все так же, не проронив ни слова, вышли из блиндажа.

Петю вовсе не занимала буза во второй роте. Зато девушка, когда встала, обнаружила отличную фигуру, классические формы гитары. И прошла она несколько шагов до выхода из блиндажа как надо. Хоть и нагнув голову, хоть и в темноте. Главное Петя успел рассмотреть в лунном свете. Вообще, рагуанки могли быть какими угодно на лицо — красивыми, страшными и не очень, — но ходили они все поголовно так, что мертвые вставляли свистнуть им вслед. Ноги, бедра, таз, плечи, грудь, — все это двигалось и колебалось у них плавно, округло и именно в тех амплитудах, которые придают женской походке совершенно необоримую сексапильность. Раскрепостившись благодаря революции, девушки носили теперь облегающие джинсы и не менее облегающие военные штаны. А поскольку революция меньше всего заботилась о снабжении своих последовательниц нижним бельем, они, как правило, не пользовались трусиками и лифчиками, что запускало сексуальность их походки на какие-то космические высоты. Нигде в Латинской Америке девушки не ходят призывнее рагуанок.

— Медсестра ваша? — небрежно поинтересовался Петя, пока тени медленно уплывали по траншее.

— Да нет, начальник разведки. Она не так давно от «контрас» вернулась. На той стороне нелегалом работала, а потом ее к нам. На отдых,

наверное... Мы тут уж два месяца почти сидим, и ни одного боя или там перестрелки... Тишина... Думаю, ребята во второй роте от безделья взбесились...

Комбат говорил быстро и не очень внятно.

— А здоровяк этот? Муж ее?

— Заместитель...

На мгновение задумавшись, комбат уточнил, по какой именно линии исполнял обязанности заместителя здоровяк. А то мало ли...

— Ну, по разведке заместитель. А муж у нее в столице большой человек... Очень большой...

«Интересная девчонка! — подумал Петя. — Муж не муж, а завтра надо будет заняться».

«Заняться» означало и надежду на некую романтику, — здесь, в Рагуа, Петя чувствовал себя неотразимым; и многообещающую тему, которая, чем черт не шутит, в будущем могла бы вылиться даже и в книгу. Настоящая шпионка, рагуанская Мата Хари! Роскошный репортаж выйдет! А потом большой очерк для «Вокруг света» сделать, а там уж и книжку запустить! Только девчулька, наверняка, закрыта. Ничего, через МВД добьюсь разрешения, как-нибудь там... Под другим именем можно подать, биографию слегка подправить... Оказалась бы она еще и на лицо не уродиной, цены б ей не было!

Фигурку ее и походку Петя рассмотрел, а вот лица при жалком свете копилки так и не увидел — сплошные тени да черные пятна. «Ладно, утро вечера мудренее», — решил он и огляделся, подыскивая место для ночлега. Комбат, продолжая бубнить про вторую роту, пристроил его рядом с «политико» на помосте из неизменных бамбуковых стволов. Наверняка пожертвовал своим ложем. Совсем не царским, честно говоря, но, безусловно, лучшим, чем просто сырая земля...

Петя комбата не слушал — думал о девчонке и о том, как можно раскрутить всю эту историю. Додумать не успел: как только улегся, подоткнув со всех сторон одеяло, одолженное комбатом, тут же и уснул, будто провалился.

Первый хлопок и упругий удар вдруг уплотнившегося воздуха Петя проспал. Проснулся от второго. И ничего не понял, сел, завертел головой — бамбуковых накатов над блиндажом не было, их, похоже, сдуло. Светила луна и цепочками летали под ней какие-то странные красные жуки или мухи, что ли. Визжало на одной истеричной ноте — и-и-и-и!.. Оглушительно бухало, горячий воздух тяжело бил прибойной океанской волной. Огромный, невероятных размеров Гулливер надувал гигантские бумажные пакеты из-под «фастфуда» и беспрерывно хлопал их, сотрясая землю.

Блиндаж, траншея, брустверы подпрыгивали от каждого хлопка, стены ходили ходуном, оползая лавинами. Где-то кричали...

Наступил конец света. Земля кололась на части, и куски ее отлетали в черную жуть космоса. На одном из них летел Петя, вцепившись в стволы помоста... А этот, огромный, все хлопал и хлопал свои пакеты, перемешивая лунную пыль с земляной взвесью, которая медленным облаком поднималась к звездам.

Петя закричал:

— Комба-а-а-т! Пе-е-едро! Поли-и-и-тико!

Орал, срывая связи, не слыша себя во вселенском грохоте и визге. Тонул Петин голос в хаосе, как тонет в гудке тепловоза комариный писк...

Стремительно и сразу ужас стиснул голову стальным обручем. Большая черная бабочка с жесткими крыльями забилась в желудке.

Петя рванулся из замкнутости блиндажа наверх, в жизнь, в реальность, за пределы траншеи. Но и там гремело, визжало, выло, бухало. Прыгала почва под ногами. Билась в падучей. Красные мухи с громким чмоканьем вбивали себя в мягкие стебли бананов, разбивались мириадами синих искр о железные стволы каоб. И хлопало, хлопало, хлопало кругом...

Он не понимал ни где он, ни что с ним. Не мог вспомнить. Что-то шевелилось... Вертелось что-то...

Но вспомнить не мог... Бабочка разбухла в животе. Не хватало ей уже места — крылья скребли изнутри...

Тошнило...

Бежать! Петя не знал, куда; метался, размахивал руками; кричал, орал и, кажется, даже плакал... Не осознавал, что красные мухи на самом деле — пули, а хлопки — разрывы мин или снарядов. Просто тягуче-тоскливое чувство, появившееся вместе с бабочкой в животе, настойчиво подсказывало: спасайся! беги! это смерть! А злобные красные мухи летели прямо на него... И хлопало уже совсем рядом, за спиной. И Петя уворачивался, падал, полз на четвереньках, перекатывался... Наконец, свалился куда-то — с силой рвануло вниз, закрутило, завертело, поволокло. Мухи, хлопки, визг — весь этот хаос стремительно уносило вверх. А он то юзом, то через голову, то перекатом — летел вниз, и что-то хрустело и ломалось вокруг...

Потом черно-зеленая вспышка взорвалась в голове, и Петя отключился, влетел из бушующего шторма в тихую гавань. И тут же накрыло его темным покрывалом.

Когда Петя очнулся, было светло. Перед самым его глазом пролегла муравьиная тропа, и по ней тянулся бесконечный караван больших

рыжих муравьев. Каждый с какой-нибудь поклажей на спине. На Петю они не отвлекались. Но прижатая к траве щека и правая ладонь саднили укусами. Зудело невыносимо.

Петя с трудом сел, сплюнул черную, земляную слюну, наполнявшую рот металлическим вкусом, и попытался разобраться в происходящем. Ничего путного из этой попытки не вышло. В ушах у него заполошно звенели цикады, как летней ночью в Крыму. Голова была тяжелой, и внутри нее что-то постоянно перекатывалось и смещалось, какие-то стальные шарики, которых там, конечно же, быть не должно. Земля медленными кругами плавала по океану, и ее покачивало на легкой зыби. Приходилось цепляться за траву, чтобы зафиксироваться.

«Пил я разве вчера?» — заинтересованно заглянул в себя Петя.

Да нет, какое там... Гром, визг, полет в черный космос, стремительные красные мухи... С рома такого не бывает...

«Грибов, что ли, наелся?» — прикинул он. Что было бы вполне разумным объяснением тех жутких ночных видений, которые навязчиво возвращались к нему сейчас воспоминаниями. Но, покачавшись на волнах, помотав головой, он отверг и это. Никаких гуляний и безумств с вечера не вспоминалось, а без них нет и похмелья.

«Может, бой?» — смутно, неверно, расплывчато возвращалось что-то... Поездка... Хутор... Вторая рота...

Но здесь он тормозил. Спотыкалась память на второй роте — а что, собственно, вторая рота? какая такая вторая рота? как вяжется она с действительностью?

— ¡Ruso! ¡Ruso! ¿Donde estas, hijo'e puta?¹ — раздалось вдалеке.

Ищут! Давно, наверное, ищут, раз ругаются. Сложное логическое построение далось ему на удивление легко. Петя обрадовался: не все, значит, потеряно.

Крикнул в ответ. Из горла вырвался слабый сип. Прокашлялся и крикнул вновь:

— ¡Aquí²!

Сверху слышались шаги и голоса. Он поднял глаза и увидел на краю оврага несколько склонившихся силуэтов, черных на фоне невыносимо яркого солнца, собранного листвой бананов в лазерный пучок. Одна голова с шапкой волос показалась знакомой. Да ведь же комбат, вспомнил Петя. И сразу все прояснилось: студенческий батальон, блиндаж, ночь... Девчонка с какой-то изюминкой... Книга... Но дальше

¹ Русский! Русский! Где ты, б... сын? (исп.)

² Здесь! (исп.)

опять тормоз — вновь начиналась бестолковщина с грохотом и красными мухами...

Выудили его со дна оврага ловко и быстро — два бойца спустились на веревках, опутали ими Петю во круг пояса и «на раз-два» те, кто оставался наверху, вытянули его обратно на свет Божий.

Потом он сидел на краю траншеи, рядом с тем местом, где раньше был блиндаж. Курил. Вдоль бруствера лежали мертвецы, прикрытые распущенной по швам палаткой. Разваленные буквой «V» ноги в высоких армейских ботинках торчали из-под брезента. И было их много. Здесь же сидел комбат. Тоже курил и старательно отводил взгляд от скорбного ряда. Он рассказывал о прошедшей ночи; говорил быстро, захлебываясь словами, словно опаздывал или боялся, что Петя сейчас его перебьет. Но Петя слушал молча. Курил только одну за другой и никак не мог накуриться. Не ощущал вкуса никотина. И запаха табака не чувствовал.

— Главное, неожиданно все... Тихо-тихо, и вдруг бах, бах... И трассы, трассы кругом... И непонятно, откуда лезут... Вроде отовсюду... Главное, неожиданно... Ребята спят, а тут... У них минометная батарея во-о-он там стояла, — комбат ткнул пальцем в противоположный склон. — Пока обнаружили, пока пулемет подтянули... Тринадцать убитых... Раненых двадцать четыре... «Политико» в ногу шарахнуло... Отправили уже в госпиталь... Тебя, похоже, тоже здорово глушануло... Надо бы и тебе туда... У тебя, может, контузия. Нешуточное дело... Я серьезно... Четвертый год на медицинском, все же...

Похоже, маленький комбат Педро с утра стал принимать Петю за международную инспекцию, которая под видом иностранного журналиста инкогнито свалилась на его батальон. Он торопился оправдаться, и вид имел виноватый и пришибленный. Наверное, ему ночью тоже досталось по голове.

Петя слышал голос комбата, как сквозь воду. Бывает, когда после заплыва вода наберется в уши, и слышно через нее, будто издали. Однако ни в какой госпиталь Петя не собирался. Скажет тоже, контузия!

Просто головой обо что-то приложился... Вот и шишка. Он пощупал припухлость с правой стороны головы под волосами и поморщился — больно. Да он уже и в себя почти пришел, Петя. Уже и о работе начал думать — как ни крути, а профессионал. В настоящий бой попал, со стрельбой и взрывами — здорово! Однако в репортаже бой этот должен совсем не так выглядеть, как тут сейчас комбат вещает. Это Петя и с больной головой понимал. Не напишешь ведь, что комбат кучу людей положил по неопытности и дури. И о том, что разведки грамотной у них не было, не напишешь. И что школьников этих вчерашних повсеместно

посылают в горы против опытных вояк на убой, тоже писать нельзя... Кстати, о разведке!

— Слышь, комбат, а где девушка эта? Ну, командир разведки? — Петя говорил хрипло: в глотке у него, оказывается, все пересохло. Драло глотку сильно. Сейчас бы молока горячего!

— Мария-Элена? Так, это... Убили ее... Пулей... Аккуратно убили — прямо в сердце... Как все равно снайпер стрелял... Но снайперов у них не было, точно говорю! Случайно вышло... Вон, с того края она лежит...

Комбат вновь окунулся в свою вину, и груз ответственности заметно тянул его на дно. «Как бы стреляться не надумал!» — засомневался Петя. Неуверенно встав на ноги, он пылливо взглянул на комбата.

Тот, сжавшись в комок, мусолил окурок, подхлюпывал носом и выглядел несчастным, жалким, но не отчаявшимся. «Не застрелится», — понял Петя. Да и не знает он по молодости, что бывает и такой выход. Ведь не лейб-гвардии Семеновского полка штабс-капитан...

Откуда ему!

Петя проковылял до конца ряда, туда, где торчала из-под палатки самая маленькая буква «V». Откинул край брезента. Лицо как лицо. Не красавицей была Мария-Элена. Но и не уродиной. Даже симпатичной, если убрать легкий налет идиотизма, который на любого накладывает смерть.

Петя отстраненно разглядывал мертвую девушку, и, честно говоря, эмоции не рушились на него водопадом.

Не то, чтобы от природы был он толстокожим или равнодушным. Жаль ее, конечно. Но ведь не знал он эту Марию-Элену, да и живой-то видел только мельком. Вот Патрика Дарю действительно было жаль по-настоящему; два года Петя постоянно сталкивался с ним на пресс-конференциях, разговаривал, шутил и даже выпивал. Патрик был неплохим парнем, компанейским, с хорошим юмором. Для Пети он был реально живым, а потом вдруг, по каким-то глупым, идиотским причинам, по какой-то дурацкой случайности перестал им быть. Поэтому его смерть Петю потрясла. А Марию-Элену он не знал. Не знал, какой она была в жизни — плохой, хорошей, злой, доброй. Сейчас, рассматривая ее мертвое лицо, он мог только предполагать те качества, которыми она обладала при жизни. Но такое моделирование не затрагивало ни сердца, ни ума. Может, так и не коснулась бы Петиной души гибель отважной разведчицы, героини его будущей книги и, он очень сильно верил, очередного источника ожидающей его громкой славы, если бы не эта ее чуть приподнятая верхняя губа.

Губы у нее были красивыми, Петя сразу это отметил про себя. Единственное бесспорное украшение лица. Пусть и неживого. Впрочем, он

не видел глаз и оценить их уже не мог. Но губы, полные, плавно и четко очерченные, привлекали. Правда, еще при первом взгляде, брошенном на них, возникло у Пети тревожное, беспокойное, струной натянувшееся чувство. Внимания он на это чувство не обратил и не понял причин его. Но струна натягивалась все сильнее, уже гудела и вибрировала, и стало Пете плохо. Страшно стало ему: из-под приподнятой верхней губы Марии-Элены выглядывал ровный ряд белых зубов, однако была в них некая странность, которую Петя сначала и не заметил. Вернее, заметил, да не осознал, не зафиксировал и не попытался себе объяснить. А она, странность эта, воткнулась прямо в подсознание, засела в нем занозой и принялась оттуда гудеть, вибрировать и пугать. Зубы ее были сухими — вот в чем дело! Не влажными, как у живых людей, а сухими, тусклыми и оттого казались они фарфоровыми, искусственными, как у персонажей музея восковых фигур. И ползал по ее зубам большой рыжий муравей. Неторопливо и очень уверенно ползал.

Муравей этот наглый все и сдвинул: как увидел его Петя, так будто оборвалась в нем душа, сорвалась и низринулась в пропасть. А в животе уже и не бабочка никакая, а огромная черная птица крыльями замахала, забила, захлопала. Явственно, зримо, хоть пощупай, увидел он вместо рагуанской девушки себя, лежащего с сухими зубами под брезентом. И рыжего муравья увидел на собственных зубах. Тут и сделалось Пете нехорошо, навалился на него прежний, ночной, темный ужас, вновь сдавил стальным обручем голову.

Едва успел Петя отскочить в сторону от брезента, как стало его выворачивать наизнанку, и выворачивало так, пока не превратился он в жалкое мокрое нечто, лишь отдаленно, неверными очертаниями напоминающее собственного корреспондента и компаньера. Трепало долго, почти без пауз, до стога; зеленой желчью... Потом и желчи не осталось, — Петя ведь по жизни парень незлопамятный, где же ему столько ее набраться! Казалось, чуть-чуть еще — и внутренности наружу полезут: легкие, сердце, желудок изрыгнутся и начнут колотиться, прыгать на влажной, красной глине бруствера. Ноги Петю уже не держали — упал на колени, руками в траву уперся. Из глаз — слезы ручьем. Из горла — вместе с внутренним содержимым, стон и мычание. Зрелище не для нервных.

Солдаты, правда, психозами и не страдали — ребята эмоционально закаленные и дурные по молодости — собрались в круг и потешались вовсю. В Рагуа, вообще-то, всех иностранцев не очень жалуют: ничего хорошего никогда от них не видели. А тут русский «старший брат» задницу к небу задрал и слюни пускает. Ну, не смешно ли! Если и не смешно, то уж точно забавно.

Очерк о Марии-Элене он потом все же написал. Имя и многие обстоятельства, как и предполагал, пришлось изменить. С книгой же не получилось. Не разрешили. Вернее, не рекомендовали. Пригласил как-то Петю к себе в кабинет советник посольства и по-совместительству главный у этих... ну, понятно, у кого, словом; вроде бы и случайно, на ходу пригласил, несведущий кто-нибудь подумал бы, можно и проигнорировать. Но только не Петя. Как раз Петя-то отлично понимал, что можно, а чего нельзя. Успел усвоить.

— Вы, я знаю, Петр Сергеич, книжку писать надумали, — советник положил на Петю свой холодный, прозрачный, льдистый взор. — Не стоит. Работы много зря проделаете. Материалов кучу перелопатите, с людьми встречаться станете, а все напрасным окажется. Закрыта еще девушка, хоть и нет ее уже на свете. Зато другие есть. Те, кто с ней связан был. Понятно излагаю? Так что, не стоит...

Ну, нет, так нет. Разве с ними поспоришь!

Особенно сейчас он не собирался этого делать. После возвращения из Макарали, все, касающееся Рагуа, сделалось Пете до лампочки. До той, которая на уличном фонаре болтается, очень высоко. В том числе и не начатая книга. Сразу и резко надоело писать и на пресс-конференции ходить, и материалы нарывать, и пытаться «вставить фитиля» тассовцам. А о поездках куда-либо и вообще думать не хотелось. Не признавался Петя даже себе, но выезжать за пределы столицы стало ему просто страшно. Придумывал какие-то отговорки, предлоги всякие изобретал, чтобы только не ехать. Главное ведь, ехать или не ехать, только от него и зависело. Это он себе привирал и себя уговаривал. И называл это приключившееся с ним безобразие дипломатично: ностальгией. Не станешь же, в самом деле, всем про страхи свои объяснять — вкатят пару уколов, во избежание неожиданностей, и под белы руки сопроводят в Москву на вечный «невыезд». Очень даже просто. Считалось — человек неуравновешенный может всяких глупостей не только наговорить, но и наделать тоже; стать перебежчиком, к примеру.

Вспоминался Пете покойный дядя Гриша Покальчук, фронтовой друг отца и один из лучших фотокорров «Красной звезды». Он всю войну, да и всю жизнь, снимал летчиков и знал авиацию, как собственную ладонь. Вот Покальчук и рассказывал, что случалось такое в войну с истребителями. То есть, и со штурмовиками случалось, и с другими, но с истребителями чаще. Вдруг пилот начинал испытывать страх и неуверенность и бился в истерике не только перед боем, но и перед простым тренировочным полетом. От земли оторваться не мог — страх не позволял. Называлось это «потерять сердце». И ребята ведь все были геройские, ордена нагруды иконостасом. Ну, конечно, в депрессию впадали. В

сильнейшую депрессию. Некоторые стрелялись, некоторые ломали себя, преодолевали страх, но все равно летать, как прежде, уже не могли. Многих из авиации списывали в пехоту.

Только Петя понял, что «потерял сердце», сразу и написал письмо председателю правления Агентства с просьбой отозвать из страны. И отозвали. Через два месяца после ночного кошмара Макарали улетел Петя домой, в Москву. В те времена выстраивалась очередь из желающих послужить Родине за рубежом, даже в Рагуа, в затылок дышали и пятки отдавливали. Председатель правления, когда Петя по приезде к нему с докладом явился, с удивлением отметил, что в его практике это первый случай добровольного отказа от продления заграничной командировки. Однако надо отдать ему должное, никаких выводов делать не стал, хотя и мог попридержать следующую командировку. На всякий случай, ввиду экзотичности просьбы об отзыве — тогда все необычное очень настораживало начальство, нервировало очень.

Но нет, пересидел Петя в Москве положенные три года и поехал в другую страну. Туда же, в милую его сердцу Латинскую Америку. Часто потом бывал он там и жил подолгу, и мотался по всему континенту взад-вперед, но неизменно старался облетать Рагуа стороной. И до сих пор он не любит эту страну, хоть и нет там уже давно ни революции, ни гражданской войны.